
Марина Ветрова ✦ Юлия Беринг
Развод с предателем.
Ты выставил меня с чемоданами, но я забрала твою империю!

Марина Ветрова
Юлия Беринг

Развод с предателем. Ты выставил меня с чемоданами, но я забрала твою империю!

https://litres.ru/74725229
SelfPub; 2026

Аннотация

Я вернулась из Венеции с международной наградой и мечтой о новой должности. А вместо поздравлений обнаружила свои чемоданы у мусоропровода. В нашем пентхаусе хозяйничала молодая любовница мужа — в моём шёлковом халате.

За один день Стас отобрал у меня дом, деньги, долю в бизнесе и доброе имя. Даже друзья отвернулись, поверив его лжи о моём безумии.

Он был уверен: без него я никто.

Но двенадцать лет именно я создавала его империю. И теперь собираюсь это доказать.

А когда на моём пути появляется опасный и влиятельный Адриан Фальц, бывший муж ещё не представляет, насколько дорого ему обойдётся предательство.

И моя доверчивость

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 13
Глава 3 20
Глава 4 29
Глава 5 37
Глава 6 45
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Марина Ветрова, Юлия Беринг Развод с предателем. Ты выставил меня с чемоданами, но я забрала твою империю!

Глава 1

Из Венеции я везла запах соленой воды в волосах и каталог, который раскрывала в самолете каждые полчаса: моя фамилия на обложке. Наконец-то.

В каталоге мне отвели девяносто страниц. После приема в палаццо Грасси европейские критики наперебой хвалили русский павильон, а я думала о подписанных контрактах: теперь их предстояло привезти в Москву и показать совету. У «Грома» наконец появлялись международные проекты, ради которых я двенадцать лет переделывала мужнины спальники в дома, где хотелось жить. Сегодня Стас обещал назначить меня вице-президентом по стратегическому развитию.

До сих пор ему было удобно представлять меня женой; теперь в протоколе рядом с моей фамилией должна была появиться должность.

Такси остановилось у кованых ворот «Олимпа». Узнала даже завиток над калиткой — на кухонном чертеже он никак не получался, мы со Стасом спорили над ним до двух ночи. Сейчас хотелось только домой.

На улице было холодно. Вышла, запахнула кремовый кашемир и достала золотую карту — привычное движение, которое я проделывала, не глядя на считыватель. Приложила ее к черной площадке на КПП.

Зуммер выдал противный, глухой писк. Красный индикатор мигнул трижды.

— Добрый вечер, Степан, — улыбнулась я пожилому охраннику в безупречной форме, стягивая кожаную перчатку. — Похоже, карта опять не считывается после перелетов. Откройте, пожалуйста.

Степан уткнулся в журнал. Когда-то он обязательно спрашивал, как прошла поездка, а сейчас переворачивал одну и ту же страницу. На мое «откройте» пальцы у него замерли у края бумаги.

— Инна Сергеевна… Добрый вечер. Я… я не могу вас пропустить.

— Что значит — не можете? — Я опешила, решив, что ослышалась. — Степан, это шутка? У меня ручная кладь и чемодан, на улице ноль градусов.

— Ваша карта заблокирована в базе жильцов, — охранник сглотнул, не поднимая на меня взгляда. — Поступило прямое распоряжение владельца объекта. Проход запрещен. Сказано вызывать группу быстрого реагирования, если будете… настаивать.

Холодный воздух ожег легкие. Распоряжение владельца? Стас?

— Вы с ума сошли? Я совладелица этого комплекса! — Мой голос дрогнул, но тут же налился металлом. — Это техническая ошибка. Я разберусь со Станиславом Викторовичем лично.

Калитка осталась приоткрытой. Я толкнула ее и пошла к подъезду, таща за собой чемодан; по швам между плитами колесики стучали так, что хотелось поднять его и донести в руках. Опять Стас со своими внезапными аудитами. Проверяет, знают ли охранники инструкции, а предупредить меня забыл. После тридцати часов на ногах я боялась нагрубить Степану. Стасу скажу дома — пусть объясняет сам.

В зеркальном лифте я прижала ладонь к пояснице. На тридцать четвертом этаже двери открылись прямо в наш холл; до квартиры оставалось несколько шагов. Я уже полезла в сумку за ключами.

Я сделала шаг вперед — и застыла.

От двери тянуло ванилью, которой у нас никогда не было. Наш диффузор — сандал с инжиром — я выбирала сама. Подняла глаза на дубовое полотно и не сразу узнала замки:

новые броненакладки, еще без единой царапины. Под ними на полу лежала стружка. Кто-то высверлил старые, пока я была в самолете.

А рядом с технической дверью мусоропровода, прямо на пыльной плитке, горой высились три моих дорожных чемодана из матового алюминия.

У меня перехватило дыхание. Я подошла к ним на негнущихся ногах. Чемоданы были забиты как попало: край моего любимого шелкового платья от кутюр торчал из-под молнии, зажеванный и испачканный черной мазутной смазкой. Сверху валялись разорванные пополам венецианские каталоги с моей фамилией на обложке — плотный глянец был смят, растоптан грязными подошвами рабочих ботинок.

Я потерла пальцами черный след на платье. Грязь размазалась, въедаясь глубже.

Я протянула руку к звонку, но не успела нажать. Замок щелкнул изнутри сам. Дверь распахнулась.

На пороге стояла Влада.

Двадцатитрехлетняя секретарша Стаса, которую он взял в приемную три месяца назад «по совету эйчаров ради освежения протокола». Длинные выбеленные волосы рассыпаны по плечам, на губах влажный розовый блеск, босые ухоженные ступни с кроваво-красным педикюром.

На ней был надет мой изумрудный шелковый халат — штучный флорентийский заказ, подарок Стаса на нашу десятую годовщину. А в тонких пальцах с длинными наращен-

ными ногтями она держала антикварную чашку из мейсенского фарфора. Мою любимую. Из которой я каждое утро пила двойной эспрессо.

— Ой, — Влада лениво мазнула по мне оценивающим взглядом, опершись плечом о косяк. Ни капли смущения. Только сытая, наглая усмешка. — А вы чего тут шумите, Инна Сергеевна? Вам же охрана русским языком сказала: вход закрыт.

— Ты… — Горло сдавило спазмом, я не узнала собственный голос. — Ты что здесь делаешь? Сними мой халат. Немедленно.

— Много чести — снимать тряпки на сквозняке, — фыркнула девица и сделала медленный глоток кофе, глядя мне прямо в глаза. — Это больше не ваш дом, женщина. И халат не ваш. Станислав Викторович подарил мне эту квартиру со всей обстановкой. Так что забирайте свой хлам у помойки и уходите по-хорошему. Будете ломиться — я нажму кнопку ЧОПа. Ребята приедут через три минуты и спустят вас с лестницы прямо в ваше кашемировое пальто.

Она сделала движение, чтобы захлопнуть дверь перед моим носом.

— Стой, тварь! — Я выставила руку, с силой толкнув дубовое полотно обратно. Дерево врезалось Владе в плечо, кофе из чашки плеснул на изумрудный шелк.

Девчонка взвизгнула, отступая в прихожую:

— Ты больная?! Я полицию вызову!

Я шагнула в тамбур, выхватывая из сумки телефон. Руки тряслись так, что я с третьего раза попала по иконке вызова. Стас. Гудок. Второй.

— Да, Инна, — раздался в трубке его голос. Ровный, сухой, безупречно поставленный голос человека, ведущего рутинные переговоры.

— Стас! — выдохнула я, задыхаясь от ярости и унижения. — Что этот кусок силикона делает в нашей квартире в моих вещах?! Почему мои чемоданы у мусоропровода?! Немедленно объясни охране, чтобы эту девку вышвырнули на улицу!

На том конце повисла короткая пауза. Я услышала шелест бумаг и тихий щелчок дорогой зажигалки.

— Инна, прекрати истерику, — холодно произнес мой муж. — Никто никого вышвыривать не будет. Влада живет там по праву хозяйки. Наш брак окончен. Я подал на развод сегодня утром.

Стены холла вокруг меня качнулись. Я уперлась ладонью в холодное зеркало, чтобы не рухнуть на пол.

— Какой развод?.. Стас, о чем ты говоришь? Мы двенадцать лет вместе! Я только что прилетела с биеннале, мы взяли гран-при, у нас сегодня совет директоров по холдингу!..

— У нас нет совета директоров, — с жестким нажимом перебил он. — И холдинга общего нет. Ты больше не имеешь отношения к группе «Гром». Ни к проектам, ни к бренду, ни к долям.

— Ты бредишь?! — закричала я, срывая голос. — Четверть бизнеса принадлежит мне! Мои концепции и земля на набережной оформлены на меня! Я соучредитель!

В трубке раздался тихий, леденящий душу смешок. Стас искренне забавлялся.

— Дорогая, ты отстала от жизни. Ты всё подписала сама. Ровно год назад. Помнишь Мальдивы? Остров, четырнадцатая вилла, шум прибоя, бутылка коллекционного рома? Ты тогда праздновала открытие сезона и так пьяно, заливисто смеялась на пляже. В пакете была генеральная доверенность и соглашение о передаче твоих долей управляющей компании. Нотариальное заверение тоже есть — юристы обо всем позаботились. Ты подписала не глядя, Инна. Сказала: «Стасик, я доверяю тебе свою жизнь».

Земля окончательно ушла у меня из-под ног.

На Мальдивах он целовал мне пальцы, чтобы я перестала смеяться и взяла ручку. Бумаги нужны для покупки галереи в Лондоне, говорил Стас, какая-то реструктуризация офшора. Я хотела спросить о третьей странице, но он снова поцеловал меня. И я решила: он ведь разбирается, зачем портить вечер. Так же легко решила когда-то оставить научную работу и заняться его проектами.

— Ты… ты спланировал это еще год назад? — прошептала я одними губами.

— Я оптимизировал риски, Инна. Ты стала слишком заметной, слишком много на себя брала. В строительном биз-

несе должна быть одна голова — моя. Пентхаус оформлен на баланс компании, твои личные вещи Влада аккуратно упаковала. Будь благодарна, что я не заставил тебя возмещать представительские расходы на Венецию. Судебные бумаги привезут по твоему новому адресу. Если найдешь его, конечно. Счастливо оставаться.

Раздались короткие гудки.

— Ну что, наговорилась? — пропела Влада из-за приоткрытой двери, оскалившись в победной улыбке. — А теперь пошла вон отсюда, пока я не нажала тревожку.

Дверь захлопнулась. За ней трижды повернули ключ. Я слушала каждый оборот. Мой ключ лежал в сумке, в маленьком боковом кармане; можно было даже не доставать его.

Через дверь наверняка слышно, если я заплачу. Влада еще порадуется, выйдет посмотреть. Я прикусила губу и наклонилась к чемоданам. Сейчас надо унести вещи; разбираться со Стасом буду там, где эта девка меня не видит.

Схватив тяжелые ручки чемоданов, сдирая кожу на пальцах, я поволокла их к лифту. Один, второй, третий; свой, с которым прилетела, я подкатила последним. Металлические корпуса грохотали по плитке, оставляя черные полосы. Я затащила их в зеркальную кабину, нажала кнопку первого этажа и прислонилась лбом к холодному стеклу.

Пока лифт ехал вниз, я считала вдохи. Сначала отель, потом адвокат. На счетах есть деньги — не придется просить у Стаса даже на такси.

Я сниму люкс в «Карлтоне» прямо сейчас. Открою ноутбук, свяжусь с лучшими адвокатами города по бракоразводным процессам, подниму на уши прессу. Стас пожалеет о каждой секунде этого фарса.

Глава 2

В лобби села в кресло. Чемоданы остались рядом, консьерж разглядывал их со своей стойки, но я смотрела в телефон: где же Антон, мой персональный банкир? Нашла номер и нажала вызов:

— Антон, добрый вечер. Мне нужно снять наличные в валюте и перевести депозит за отель с моего личного счета.

— Инна Сергеевна?.. — В голосе Антона, обычно вышколенном и предупредительном, сквозила паника. — Я… я как раз собирался вам писать. Десять минут назад поступило распоряжение от Станислава Викторовича на основании генеральной доверенности. Все ваши личные и совместные валютные счета закрыты. Средства переведены на счета холдинга. Корпоративные карты заблокированы.

— Что?! — Мой крик эхом разорвал тишину лобби, заставив вздрогнуть консьержа за стойкой. — Как он мог закрыть мой персональный счет?!

— По доверенности, Инна Сергеевна… Там полный объем полномочий, включая распоряжение любыми финансовыми активами. Единственное, что осталось нетронутым — ваша старая резервная рублевая карта. Но на ней установлен суточный лимит на снятие и операции.

— Какой лимит? — выдавила я пересохшими губами.

— Пять тысяч рублей. Мне очень жаль.

Связь оборвалась.

Пять тысяч рублей. Цена чашки чая в том отеле, куда я собиралась ехать.

Я помнила суммы в сметах до рубля. На один фасад мы тратили больше, чем я могла потратить за жизнь. Но Антон повторил «пять тысяч», будто именно столько мне и полагалось.

Консьерж молча помог вывезти четыре чемодана к дверям. Я выскочила следом, подхватив ручку самого большого.

Под козырьком было сухо, за ним дождь сразу попал за воротник. Я остановилась, пытаясь запахнуть пальто, а замшевые туфли уже промокли. Ветер прижимал волосы к губам; отлепляла их перчаткой и никак не могла удержать ручку чемодана так, чтобы не зацепить лужу.

Вернулась под козырек и нашла Карину. Со студенческих лет она знала о каждой моей ссоре со Стасом. Сейчас она вела светскую хронику и устраивала закрытые вечера. Мой звонок точно возьмет. Попрошу приютить на два дня, пока разберусь со счетами. Нажала вызов и прижала телефон к уху.

Карина сняла трубку на пятом гудке. На заднем плане играл изысканный лаунж.

— Кариночка! — закричала я в микрофон сквозь шум дождя. — Карина, у меня кошмар, Стас сошел с ума! Он выставил меня из дома, заблокировал счета, в квартире его секретарша! Забери меня, пожалуйста, я стою у «Олимпа» под

ливнем…

Карина молчала. На фоне сначала гремела музыка, потом почти стихла. Я ждала, что сейчас она скажет адрес или спросит, куда подъехать. Вместо этого услышала свое имя.

— Инна… — Ее голос звучал отстраненно, гладко и совершенно чужой интонацией. Так говорят с безнадежно больными родственниками, от которых хотят поскорее отделаться. — Я в курсе ситуации. Стас час назад прислал официальный пресс-релиз в редакцию.

— Какой релиз?! Карина, он врет, он украл мои доли!

— Он собрал узкий круг попечителей фонда, — ровно продолжала подруга. — Объяснил, что у тебя в Венеции случился тяжелый нервный срыв на почве переутомления. Что ты ведешь себя неадекватно, проявляешь агрессию и нуждаешься в закрытом стационарном лечении. Твой фонд передали под управление новому куратору — Владе.

— Что?! Какому куратору?! Этой двадцатилетней подстилке?! Карина, ты же знаешь меня двенадцать лет!

— Именно поэтому я советую тебе не устраивать публичных сцен, Инна, — отчеканила она ледяным тоном. — Стас держит застройку половины города. Никому в нашем кругу не нужны проблемы с его структурами из-за твоих истерик. Не звони мне пока. Мне не нужны репутационные риски. Поправь здоровье.

Короткие гудки ударили по ушам больнее пощечины.

Она вычеркнула меня. Свет, который я одевала, учила

разбираться в искусстве, знакомила с мировыми галеристами — вытер об меня ноги за шестьдесят секунд, просто потому что Стас оказался сильнее и богаче.

Меня колотило крупной дрожью. Зубы выбивали дробь.

В приложении такси переключила класс с «Ultima» на эконом. Пальцы были мокрые, экран дважды не сработал. Через пять минут к шлагбауму подъехал желтый «солярис». Я отступила, но вода из-под его колес все равно попала на брюки.

Водитель вышел и застыл возле багажника, считая мои чемоданы. Я стояла напротив с мокрыми волосами и знала, что тушь наверняка размазалась. Я потянула к нему самый большой чемодан.

— Э, девушка, куда столько сумок? Багажник не резиновый!

— Пожалуйста, помогите загрузить, я доплачу, — взмолилась я, хватаясь за ручку.

Три чемодана он втиснул в багажник, мой дорожный поставил вперед. На заднем сиденье я наконец выпустила ручку сумки. Табачный запах смешивался с елочкой под зеркалом, но сейчас пусть бы пахло чем угодно — лишь бы ехать. Водитель ткнул адрес в навигатор. Мы едва тронулись, когда на его телефоне выскочила ошибка оплаты.

«Сбой безналичной оплаты. Недостаточно средств на карте клиента».

Водитель резко нажал на тормоз прямо у шлагбаума, так

что я едва не впечаталась лицом в переднее кресло.

— Э-э, ты кого обмануть решила?! — развернулся он ко мне, багровея от злости. — Денег нет, а на такси садится! Выходи давай!

— У меня есть деньги, сейчас, подождите, я переведу с другой карты! — Я в панике тыкала в банковское приложение, но экран выдавал глухую надпись: «Операция отклонена банком. Обратитесь к держателю генеральной доверенности».

— Выходи, говорю! Не морочь мне голову!

Он выдернул мой дорожный чемодан с переднего сиденья, затем полез в багажник. Я уже открывала дверцу, когда услышала первый удар об асфальт. Второй чемодан угодил в масляную лужу и раскрылся. Блузки легли в воду, сверху поплыли мои эскизы для нового музея. Я потянулась за ними, забыв даже о сумке: мокрый лист расползался прямо на глазах.

— Эй, аккуратнее! — закричала я, вываливаясь из машины под дождь.

Дверь захлопнулась, такси резко рвануло с места, обдав меня ледяными брызгами с ног до головы.

Присела в лужу, собирая блузки. Никто не подходил, а самой поднять все сразу не получалось. Заталкивала мокрый шелк под крышку и думала только о молнии — закрыть, пока ветер не разнес оставшиеся листы.

Услышала низкий рокот двигателя и подняла голову. Еще

одна машина. Теперь я следила за колесами: пусть хотя бы не проедет по эскизам.

Из-за поворота показался черный «Майбах». Я знала эту машину по въездам на закрытые приемы: когда она появлялась, шлагбаум поднимали заранее. Сейчас тяжелые шины шли прямо вдоль моих чемоданов.

Автомобиль поравнялся со мной и плавно замер у обочины в полуметре от моих чемоданов.

Тонированное заднее стекло бесшумно поползло вниз.

В полумраке роскошного кожаного салона сидел Адриан Фальц.

Серый кардинал градостроительного комплекса, человек, чьей подписи боялся даже мой муж, главный лоббист застройки, не проигравший ни одной войны за последние двадцать лет. Идеально скроенный графитовый костюм, белоснежный воротник рубашки, хищные, будто высеченные из гранита черты лица и тяжелые, стальные серые глаза.

Он не улыбался. В его взгляде не было ни капли жалости. Ни тени насмешки.

Фальц смотрел на меня — раздавленную, втоптанную в грязь, стоящую на коленях в луже в испорченном кашемире — так внимательно, что я разозлилась еще сильнее. Поднять меня ему ничего не стоило. Он сидел и смотрел.

Мы смотрели друг на друга долгие три секунды. Дождь хлестал меня по лицу, смывая остатки косметики, а он просто молча изучал мое падение, положив ладонь на золотой

набалдашник трости.

Он не предложил помощи. Не вышел. Не произнес ни единого слова.

Стекло поползло вверх. Он уезжает, поняла я, так ничего и не сказав.

В стекле мелькнуло мое мокрое отражение, и «Майбах» тронулся. Я нагнулась за блузкой. Теперь уж знаю, кому не звонить.

Я хотела убивать.

Глава 3

После отъезда Фальца я вызвала другое такси — с оплатой наличными. Водитель дождался, пока мы вдвоем втолкали чемоданы, и только тогда тронулся. Я еще раз открыла банк. Экран смартфона мигнул красным.

«Операция отклонена. Карта заблокирована эмитентом».

Во втором приложении открыла сберегательный счет. Утром в аэропорту проверила дивиденды от субаренды залов «Гром-Центра» — пришли. Теперь напротив баланса стоял ноль. Обновила страницу. Связь есть, счет пуст. Перелет с пересадкой, чужие очереди, такси — я спешила домой, а Стас за это время успел добраться до каждого моего счета.

— Женщина, мы стоять будем или как? — водитель старого «соляриса» посмотрел на меня в зеркало заднего вида. В салоне невыносимо воняло дешевым клубничным ароматизатором и мокрыми чехлами. — Счетчик тикает. В «Гранд-Отель» едем?

— Подождите минуту, — глухо отозвалась я.

Проверила овердрафт, затем семейный накопительный. Карты выглядели точно так же, как утром, даже номера не изменились. Только переводить с них было нечего. Я смотрела на знакомые значки банков и не знала, кому звонить первым. Стас наверняка уже позвонил всем. Пока на биеннале я спорила о развеске молодых авторов, он сидел с юри-

стами в нашей квартире. Теперь там Влада, а я не могу оплатить поездку из аэропорта.

Полезла в потайной карман саквояжа. Молния заедала, пришлось тянуть за язычок ногтем. Нашла сложенные вчетверо сто евро — заначку из прошлогодней Флоренции. Я так и не потратила их на мелочи перед обратным рейсом. Сейчас расправила купюру на коленях, проверяя, цела ли. Двенадцать лет в браке с девелопером, а расчет на вечер — вот эта забытая бумажка.

— Сверните на ближайший перекресток, — мой голос прозвучал на удивление ровно, хотя внутри всё скручивалось в ледяной жгут. — Найдите круглосуточный обменник. А потом отвезете меня вот по этому адресу.

Я открыла агрегатор дешевой аренды и вбила самый дальний спальный район возле промзоны. Крошечная студия на первом этаже панельной девятиэтажки. Без консьержа, без мраморного холла, без стеклянных панорамных лифтов.

Телефон в руке завибрировал, взрываясь звонком. На дисплее высветилось: Кристина. Галерея «Артефакт».

Моя «лучшая подруга». Женщина, которой я три года назад лично выбила льготную аренду в историческом центре, спасая ее бизнес от неминуемого банкротства.

— Инночка! — в трубке зазвучал фальшиво-сочувствующий, еле сдерживающий предвкушение голос. — Боже, милая, до меня только что дошли слухи… Я просто в шоке! Стас звонил Совету попечителей аукциона. Сказал, что у те-

бя тяжелейший нервный срыв после перелета, что ты не в себе и устроила скандал…

— Кристина, это ложь, — оборвала я, глядя, как за мутным стеклом такси мелькают серые бетонные заборы промзоны. — Стас выставил мои вещи и привел в дом секретаршу. Мне нужно, чтобы ты подтвердила мою кураторскую квоту на пятничный закрытый аукцион. Это остановит слухи.

На том конце повисла вязкая, душная пауза. Кристина молчала слишком долго. Подтвердить квоту — одна фраза. Для отказа ей понадобилось подобрать слова.

— Инночка, пойми меня правильно… — залепетала она тоном ниже. — Мы не можем рисковать репутацией Дома. Если у тебя… нестабильное состояние, лучше переждать. Совет решил временно отозвать твою аккредитацию. Станислав Викторович заверил, что предоставит другого эксперта. Ты отдохни, дорогая. Попей магний.

— Кристина, — ледяным тоном произнесла я, и в зеркале водитель испуганно скосил на меня глаза. — Ты сейчас вычеркиваешь человека, который вытащил тебя из долговой ямы, ради мужика, который через месяц раздавит твою галерею ради нового паркинга.

— Не драматизируй, Инна. Время такое. Бизнес есть бизнес.

Кристина отключилась прежде, чем я ответила.

Расстегнула верхнюю пуговицу пальто. Карина послала

лечиться, Кристина — пить магний. Они даже совет дают одинаково, будто Стас вместе с релизом прислал памятку. Я столько раз приводила к ним людей, знакомила, ручалась за их вкус. Теперь мне нужна одна квота на аукцион, и обеим проще сделать вид, что меня нет. Телефон лежал на коленях; поднять его и позвонить еще кому-нибудь не хотелось.

В зеркале мелькнул водитель, и я вдруг вспомнила другое стекло — панорамную дверь мальдивской виллы.

В тот мальдивский вечер Стас налил Laurent-Perrier. Солнце било в панорамное стекло, я поворачивала бокал, чтобы блики не слепили. Вилла обходилась дороже, чем содержание провинциального музея, — мы еще шутили об этом. Он подошел сзади, поцеловал меня между лопатками. Льняная рубашка касалась плеч; пахло кокосовым маслом и его табаком.

«Малыш, подпиши вот здесь и на третьей странице. Это трастовый протокол для оптимизации налогов на кипрские счета холдинга. Чистая формальность, юристы Самойлова всю плешь проели. Ты же доверяешь мне?»

Я тогда рассмеялась, запрокинув голову, и черкнула размашистую подпись прямо на коленке, не вчитываясь в мелкий шрифт на английском.

Подпись занимала меньше строки. Там поместились мои двадцать пять процентов. Я отдала их, даже не отложив бокал и не попросив перевода документа.

— Приехали, — буркнул таксист, тормозя у облупленного

подъезда с мигающим фонарем.

Я сунула ему рубли, полученные в грязном ларьке обменника, перетаскала четыре тяжелых чемодана по разбитым ступеням. На последнем водитель наконец помог, ворча под нос.

Водитель помог только до площадки, дальше лестница была моей: четыре пролёта, облупленные перила, чужие запахи за дверями. Ключ повернулся с третьего раза. Я втолкнула чемоданы внутрь, заперлась на два оборота и только тогда позволила себе выдохнуть.

На первом этаже пахло хлоркой, в студии — ковром, который давно не просушивали. Синтетический плед сползал с продавленного дивана. Подошла к окну: ржавые гаражи почти вплотную к стеклу. На кухне всего две конфорки; сейчас и этого хватит.

Я оставила чемоданы у порога, не раздеваясь прошла к дивану и набрала номер Андрея Самойлова — главного семейного адвоката, который вел все наши дела с момента основания компании.

Трубку сняли на четвертом гудке.

— Инна Сергеевна, добрый вечер, — голос Самойлова был выглажен, как его шелковые галстуки от Brioni. Ни тени эмоций.

— Андрей, мне нужен дубликат трастового соглашения, которое Стас подсунул мне на Мальдивах в прошлом августе. И полный реестр отчужденного имущества. Срочно. На

мою личную почту.

— Боюсь, это невозможно, Инна Сергеевна, — спокойно отозвался адвокат.

— Что значит «невозможно»?! Я соучредитель и законная супруга!

— Вы были соучредителем до подписания добровольного отказа от имущественных претензий и передачи долей в доверительное управление господину Грому. На данный момент я связан клиентской тайной исключительно со Станиславом Викторовичем. Вы не являетесь стороной текущего договора и не имеете права запрашивать внутреннюю документацию холдинга.

— Самойлов, ты в своем уме? — мой голос сорвался на опасный свистящий шепот. — Я нанимала тебя на работу! Я выбивала тебе процент от первой закрытой сделки!

— Всего доброго, Инна Сергеевна. Настоятельно рекомендую вам решать вопросы через назначенного судом медиатора. Не усложняйте себе жизнь.

Он отключился.

Я замахнулась и со всей силы швырнула смартфон в стену. Аппарат отскочил от выцветших обоев и глухо упал на продавленный поролон дивана.

— Твари… — выдохнула я в пустую, чужую комнату. — Каковы же вы все твари…

Сняла платок и села на пол возле раскрытого чемодана. Таксист швырнул его в лужу, зато теперь не пришлось бо-

роться с молнией. Мне нужны блокноты с описью добрачной коллекции и расписки художников. Стас мог выбросить каталоги, но хоть один черновик, хоть одна старая бумага должны были остаться среди вещей. Стала вынимать платья по одному, ощупывая складки.

Я вытряхнула вещи прямо на пыльный линолеум. Платья, белье, туфли — всё было скомкано так, словно их запихивали ногой.

И среди этого хаоса на пол выпал плотный конверт из металлизированной розовой бумаги, густо надушенный приторной синтетической туберозой.

Запах любовницы Стаса.

Дрожащими пальцами я разорвала конверт. Внутри лежал чек клининговой службы и короткая записка, выведенная круглым ученическим почерком; рядом с подписью Влада пририсовала сердечко:

«Ваш хлам из кабинета утилизирован, дорогая. В новом интерьере пыльные каталоги не смотрятся. Чемодан собирала горничная. Не благодарите».

Моне с Мане она путает, зато мои каталоги от мусора отличить сумела. Перечитала записку, особенно слово «утилизирован». Переписка с Лувром и Прадо, монографии, пометки на полях — я годами привозила их домой. В кабинете даже полки заказывали по их высоте. А теперь горничная отчиталась чеком, и Влада считает, что можно поблагодарить.

Я медленно поднялась с колен. Подошла к крошечной

кухне, повернула тугой вентиль газовой плиты и чиркнула спичкой.

Голубой огонь вспыхнул с тихим хлопком.

Я поднесла розовый конверт к пламени. Глянцевая бумага занялась быстро, сворачиваясь в черную золу. Запах дешевой ванили и туберозы сменился едким дымом горелой синтетики.

— Вы думали, что сожгли всё, — прошептала я, глядя на обугленный край конверта. — Но вы забыли одну деталь.

За колченогим столом я подключила рабочий планшет к мобильному интернету. Стас смеялся над моими архивами: опять искусство, опять облака. Он не спрашивал, что именно я туда складываю. За семь лет накопились дубли заключений, транзакций и договоренностей «Грома». Хранилище с трехуровневым шифрованием открывалось с моего личного аккаунта. Пароль он никогда не знал — зачем ему мои скучные бумаги?

Пристегнула к планшету клавиатуру, ввела пароль. Архив открылся. Я погасила газ и смыла золу в раковину — еще не хватало устроить пожар в единственном жилье, которое удалось оплатить.

Сегодня в «Монолите» предпоказ осенних торгов. Поеду туда. Файлы сами по себе не вернут мне право работать; нужны люди, которые услышат меня до того, как Стас объявит следующий диагноз.

Там будет весь город. Там будет Стас. Архив я закрыла:

раздавать единственные доказательства на пороге клуба не собиралась.

Вечером я долго стояла перед открытым шкафом. Платье выбрала без ярлыков и без воспоминаний: тёмное, простое, такое, в котором меня ещё не видели ни вице-мэры, ни хищники из списка гостей. Перед выходом перелистала архив ещё раз, хотя решение уже приняла.

Глава 4

Дождь хлестал по гранитному фасаду «Монолита» так, словно пытался смыть вековой лоск со старинного особняка в самом сердце столицы. Подъезжали черные лимузины, швейцары в ливреях раскрывали над гостями огромные зонты, из распахнутых дверей лился теплый свет и тихая джазовая музыка.

Я вышла из такси под проливной дождь. Мое кашемировое пальто промокло за секунды, но я шла с высоко поднятой головой, не пряча взгляда. На мне не было украшений, кроме золотого значка соучредителя клуба на лацкане — членского билета высшей светской касты.

У массивных стеклянных дверей путь мне преградил начальник службы безопасности — двухметровый шкаф в безупречном костюме, которого я лично утверждала на должность полгода назад.

— Добрый вечер, Инна Сергеевна, — произнес он, не отводя взгляда, но его руки оставались скрещенными на груди. — Вход в клуб для вас закрыт.

В холле за стеклом стояли люди с бокалами шампанского. Я увидела знакомые лица: девелоперы, банкиры, коллекционеры. Заметив меня у дверей, они начали замедлять разговоры, поворачивая головы, перешептываясь за хрустальными бокалами.

— Игорь, отойди, — тихо сказала я. — У меня пожизненное членство в Совете.

— Господин Гром лично аннулировал ваш годовой абонемент и отозвал карту доступа два часа назад, — с металлической сухостью отчеканил он. — Пожалуйста, покиньте территорию, не создавайте помех другим гостям.

Унижение обожгло внутренности раскаленным железом. Меня — создательницу этого клуба, человека, который наполнил эти стены подлинниками и привел сюда главных меценатов страны — выставляли вон под дождем, на глазах у всей светской швали, которая еще вчера искала моей благосклонности.

Игорь уже поднял рацию. Я отвела взгляд от его лица к своему значку.

Медленно подняв руку, я нащупала на лацкане пальто золотой значок с монограммой «Монолита». Резким движением я сорвала его с ткани — с тихим треском лопнула тонкая шерстяная нить.

— Держи, — я разжала пальцы, и тяжелый кусочек золота со звоном ударился о мокрый гранит под ногами охранника.

А затем повернулась к стеклянным дверям, где замерли с бокалами Кристина, вице-мэр по застройке и десяток других «сливок общества».

— Наслаждайтесь вечером, господа! — мой голос прорезал шум дождя, четкий, поставленный, не оставляющий сомнений. — И передайте Станиславу Викторовичу: один из

лотов пятничного аукциона, полотно Петрова-Водкина, на которое он выделил три миллиона из бюджета холдинга — фальшивка. Экспертиза пигмента в моем архиве. Если хотите торговаться — сначала сверьте заключение. Приятных торгов!

Шепотки в холле мгновенно стихли. Чьи-то бокалы замерли на полпути к губам. Я развернулась и пошла прочь по залитой водой брусчатке.

Швейцар распахнул передо мной дверь и отвёл глаза, как отвели глаза все в холле. Дворники не открылись, и я пошла вдоль фасада, минуя очередь под зонтами. Тепло из дверей догнало меня на три шага и сдалось.

Зубы стучали, и я никак не могла понять, от холода или от того, что только что сказала. Теперь вице-мэр передаст Стасу мое сообщение. Кристина тоже передаст, наверняка быстрее него. Пусть. Дождь смывал с губ тушь; я вытерла лицо рукавом и пошла к тротуару.

Но что дальше? Студия оплачена на три дня. Дальше что — продавать планшет, единственную связь с архивом?

Черный «майбах» остановился у тротуара. Я машинально шагнула дальше от колес. Заднее стекло оставалось темным, но спереди вышел пожилой водитель в серой ливрее. На секунду решила, что сейчас он предложит помощь, а потом снова уедет.

Он раскрыл над моей головой массивный зонт-трость, отсекая хлещущие потоки воды.

— Инна Сергеевна Громова? — учтиво осведомился он.

— Кто спрашивает? — я отступила на полшага, сжимая в кармане ключи от арендованной студии.

Водитель молча достал из-под плаща кожаную папку. Темный коньячный цвет, тиснение в углу — сокол, тот же, что на машинах «Фалькона». Прежде чем взять ее, я посмотрела на заднее стекло. Фальца за ним не было видно.

Застройщик «Фалькон». Адриан Фальц.

Стас трижды проигрывал ему земельные тендеры. После третьего дома нельзя было даже произносить фамилию Фальц: муж начинал кричать, что тот купил половину города. Он проехал мимо лужи, а теперь прислал водителя. Зачем?

— Вам просили передать, — водитель протянул мне папку. — Лично в руки.

Магнитный клапан поддался мокрым пальцам. Под кожаной обложкой лежала свежая выписка из реестра недвижимости с синей печатью. Я держала ее под зонтом и боялась, что вода с волос упадет на строки. Быстро убрала прядь за ухо.

Я впилась глазами в строки.

Три с половиной гектара на набережной. Кадастровый номер знакомый; сверила его еще раз. Здесь достроен «Гром-Центр», с галереями и люксовыми апартаментами, которыми Стас хвастался на каждом форуме. Здание есть. Под ним — мой участок.

Собственник земельного участка: Воронова Инна Сергеевна.

Моя девичья фамилия.

Земля, которую мой отец-архитектор оформил на меня еще двадцать лет назад, задолго до моего замужества. В выписке по участку не было ни нового владельца, ни даты отчуждения. Стас пользовался им по договору аренды; теперь передо мной лежало подтверждение: собственником оставалась я.

К выписке был приколот плотный лист бумаги ручной работы. Несколько строк, написанных от руки размашистым, безупречным почерком черными чернилами:

«Он украл ваши стены, Инна. Но забыл, на чьей земле они стоят. Не дарите ему победу так дёшево. Чай в моем офисе подают в девять утра.

Адриан Фальц».

Закрыла папку, чтобы не намочить выписку, и прижала к груди. Над зонтом барабанил дождь. Окна «Монолита» были освещены; там продолжали пить шампанское, даже не догадываясь, что сейчас я прочла.

Капли стекали по моим губам, но я не вытирала их.

Я улыбнулась. Впервые за эти бесконечные, кошмарные сутки. Провела большим пальцем по строке с девичьей фамилией. Мог забрать деньги. До этой строки не добрался.

Стас думал, что выбросил меня на помойку в одном платье. Он забыл только одно: фундамент, на котором стоит вся

его империя, записан на моё имя.

И Фальц только что вложил мне в руки спички.

Спички лежали во внутреннем кармане всю дорогу, твёрдый прямоугольник под рёбрами. До студии добиралась на пересадках, прижимая сумку и считая остановки, хотя маршрут давно знала наизусть. Лестницу поднималась медленно, с отдыхом на каждом пролёте.

Чайник свистел на маленькой газовой плите. Сняла его, но крышка продолжала дребезжать. В квартире все требовало поправить: край клеенки, ножку стола, эту крышку. Я приехала сюда на три дня — хорошо бы не привыкнуть.

Я зажала телефон плечом, наливая кипяток в кружку с отбитым краем. Дешевый растворимый кофе пах жженым сахаром и пылью. Кружку я придержала за ручку: из трещины у донышка сочилась вода.

— Илья Маркович, доброе утро. Я пересылаю вам обновленный план курса по модерну. Первую лекцию в Музее современного искусства мы можем поставить уже на следующий четверг, зал графики свободен…

Директор перебирал бумаги, вместо того чтобы ответить. Я помнила его дубовый стол: пять лет назад фонд Стаса оплатил покупку. Наверное, уведомление мужа сейчас лежало на этом самом столе. Илья Маркович прочищал горло, а я держала чайник на весу.

— Инна… дорогая, — голос Ильи Марковича сочился той особой, приторно-осторожной жалостью, от которой мгно-

венно холодеет затылок. — Разве вам не передали? Мы вынуждены заморозить проект.

Кипяток попал на пальцы. Поставила чайник на плиту и прижала обожженное место к ручке кружки. Он все еще говорил «заморозить», а я никак не могла добиться от него причины.

— В каком смысле — заморозить? У нас подписан договор, грант утвержден министерством…

— Спонсорский взнос отозван, Инна, — перебил он мягко, словно разговаривал с тяжелобольной. — Попечительский совет девелоперской группы «Гром» свернул финансирование арт-программ. Но главное даже не это… Станислав Викторович вчера лично передал в дирекцию официальное уведомление. С приложением медицинского заключения.

Я застыла с чашкой в руке. Сердце глухо толкнулось в ребра.

— Какого еще заключения?

— О вашем… нестабильном аффективном состоянии. Там черным по белому написано: острый реактивный психоз, истощение когнитивных функций, рекомендация полного покоя и стационарного лечения. Вы же понимаете, Инна? Мы не имеем права выпускать к аудитории лектора в таком… разобранном виде. Это репутационные риски.

— Это ложь, — каждое слово падало, как кусок льда на кафель. — Стас фабрикует грязь, чтобы вырезать меня из профессии. Я абсолютно здорова, Илья Маркович. Я требую

официального письменного обоснования расторжения контракта. С входящим номером и печатью.

— Не усложняйте, Инночка, — вздохнул он уже сухо, сбросив фальшивую патоку. — Подумайте о здоровье. До свидания.

Связь оборвалась, копию справки я потребовать не успела. На клеенчатом столе телефон выглядел маленьким и бесполезным. Если музей отказывается от моих лекций из-за диагноза, остальные тоже могут отказаться. Значит, он отрезал мне не только деньги: теперь любой договор начнут с вопроса, могу ли я отвечать за свою работу. Я растерла ладони, заставляя себя снова взять телефон.

«Не выйдет, Стас, — подумала я, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. — Не на ту напал».

Ночь выдалась короткой: список счетов, два стакана воды, телефон экраном вниз. Утром первым делом пошла за своими деньгами.

Глава 5

На встречу с Фальцем в девять я так и не решилась. Позвонила водителю из вчерашнего конверта: попросила перенести разговор. Сначала мне нужны были свои деньги. В кафе «Атриум» пахло дорогим зерновым кофе, дорогим парфюмом и влажной шерстью кашемировых пальто. Два года назад я лично утверждала дизайн этих бархатных кресел и латунных перегородок для холла галереи. Теперь же официант посмотрел на мое простое пальто без логотипов с легким пренебрежением, прежде чем налить воду.

Полина опоздала на двадцать минут. Моя ближайшая подруга, арт-дилер, с которой мы вместе начинали возить первых концептуалистов из Берлина, вплыла в зал в безупречном бежевом тотал-луке. Но вместо привычного звонкого поцелуя в щеку она скользнула на край дивана, не снимая перчаток, и нервно отвела глаза.

— Иннуль… прости, пробки жуткие, — она бегло оглядела зал, будто боялась, что нас увидят вместе.

— Поля, спасибо, что пришла, — я выложила на полированную столешницу плотную кожаную папку с тиснением. — Здесь документы на три подлинника раннего Немухина и два эскиза Кабакова. Они оформлены на меня лично, еще до брака, Стас не имеет к ним доступа. Мне нужны живые деньги на адвоката. Если выставишь их на закрытые торги

через свой салон…

Полина даже не прикоснулась к папке. Она судорожно поправила ремешок сумки, затем полезла в карман и вытащила глянцевый трехстворчатый буклет.

Шелковистая бумага, логотип в виде серебряного лотоса, надпись золотым тиснением: «Клиника неврозов и пограничных состояний доктора Брауде. Швейцарский протокол реабилитации».

— Что это? — мой голос упал на октаву.

— Инна… возьми, — зашептала Полина, наконец подняв на меня виноватые, бегающие глаза. — Стас позавчера собирал узкий круг. Он сам не свой от горя, Инка. Рассказывал, как ты крушила посуду в пентхаусе, как угрожала спрыгнуть с террасы, как бросалась на него с ножом для писем… Он уже оплатил двухмесячный VIP-курс в этой клинике. Там сосны, закрытый периметр, отличные препараты. Он по-хорошему просил всех нас: не поощрять твой психоз, не брать у тебя вещи на продажу, чтобы ты не загнала себя в петлю.

Кровь с гулом прилила к ушам. Воздух в зале стал густым и едким.

— И ты поверила? — тихо спросила я. — Ты знаешь меня пятнадцать лет, Поля. Ты видела, как он переписывал мои проекты на себя. Ты знаешь каждую его подлость. И ты берешь из его рук буклет дурдома и суешь его мне?

— Но справка настоящая! Из клиники управления делами! — ее голос сорвался на испуганный шепот. — Инна, ты

выглядишь ужасно. У тебя синяки под глазами, ты бледная, щеки впали, ты вся дерганая! Пожалуйста, ляг, прокапайся…

Я медленно взяла буклет двумя пальцами. Дорогая бумага с хрустом разорвалась пополам. Потом еще раз. Четыре аккуратных обрывка упали прямо в чашку с ее нетронутым капучино, погружаясь в молочную пену.

— Передай своему щедрому благодетелю, — произнесла я четко, глядя ей прямо в зрачки, — что запереть меня за решеткой с мягкими стенами у него не получится. А графику я продам. Но уже не через тебя.

Забрала папку и пошла к двери. Полина осталась сидеть возле чашки с обрывками буклета; звать меня назад не стала. Я придержала документы обеими руками, чтобы она не увидела, как они дрожат.

Вечерний Дом архитекторов светился изнутри, как аквариум. Такси я оставила у площади и дошла последний квартал пешком, проверяя по витринам, что лицо спокойное, а спина прямая. Всё ещё могла.

У Дома архитекторов толпились гости предаукционного раута. Внутри должны объявить шорт-лист второй очереди «Олимпа». Над этой концепцией я сидела ночами, пока другие спали, и хотя бы услышать ее название из зала имела право. Приглашения от коммерческого спонсора мне больше не выдадут. Но членство в союзе пока никто не отменял.

Стряхнула дождь с плеч прямо в фойе. Под люстрами кап-

ли на пальто стали особенно заметны; люди обходили меня с бокалами, чтобы не задеть мокрую ткань. Я высматривала стойку регистрации. До нее оставалось несколько шагов, когда поперек прохода встала охрана.

— Мадам Громова? Прошу прощения, вход строго по персональным электронным картам, — два шкафоподобных охранника из личной службы безопасности Стаса выросли передо мной гранитной стеной.

Старший, с перебитым носом, демонстративно держал руку на лацкане пиджака.

— Мой пропуск привязан к членству в совете, — холодно ответила я, не замедляя шага.

— Ваша карта аннулирована по распоряжению генерального спонсора вечера. Вам лучше уйти, Инна Сергеевна. Без скандала.

Ближайшие гости замедлили шаг. Одну даму с соболем на плечах я знала по приемам, она посмотрела прямо на меня и тут же отвернулась. Мужчина рядом с ней даже бокал отставил, чтобы слушать. Стасу не понадобится съемочная группа: здесь и без нее снимут, как меня выводят.

— Охрана забывает свои полномочия, — мой голос прозвучал чисто и звонко, раскатившись под сводами фойе. — Согласно седьмому пункту Устава Гильдии архитекторов, статус почетного члена союза дает право присутствия на любых открытых и закрытых слушаниях вне зависимости от коммерческих спонсоров. Если служба безопасности сию се-

кунду не сделает шаг назад, я приглашаю прессу прямо на эти ступени и фиксирую факт нарушения корпоративного регламента председателем правления.

Охранник дернул желваком. За его спиной послышался сухой кашель председателя Гильдии, наблюдавшего за сценой.

— Пропустите Инну Сергеевну, — бросил кто-то из дирекции сквозь зубы.

Протиснулась между охранниками. Хотелось обернуться и бросить им что-нибудь напоследок, но зубы были так стиснуты, что пришлось сначала расслабить челюсть. Обошлась без реплики. До главного зала я дошла, не сбив шага.

Но главный цирк ждал впереди.

В центре зала, возле огромного макета башен «Олимпа», стояла Влада. На ней было темно-синее шелковое платье в пол, обнажавшее фарфоровые плечи, а на шее… на ее тонкой девичьей шее сияли фамильные сапфиры моей бабушки. Гарнитур старинной огранки «кушон», который Стас якобы «передал в банковскую ячейку на реставрацию» полгода назад.

Влада заметила меня, округлила глаза и взяла бокал с подноса. Пошла прямо ко мне. Гости успели расступиться, а уйти не захотели: каждый оставил себе место, откуда лучше слышно.

— Инна… боже мой, — защебетала она, растягивая губы в ядовитой жалостливой улыбке. — Вы все-таки пришли?

В таком состоянии? Стас так за вас переживает… Говорит, вы совсем не спите, бредите наяву. Может, вам на свежий воздух? Принять успокоительное? Я могу попросить шофера отвезти вас в клинику…

Она протянула тонкую руку с идеальным французским маникюром, будто хотела погладить меня по плечу.

Я смотрела на центральный сапфир. От руки Влады у плеча хотелось отшатнуться, но тогда не разгляжу оправу. Четыре лапки или шесть?

— Милочка, — произнесла я негромко, но так, что каждое слово отчетливо разнеслось по притихшему залу. — Прежде чем надевать чужие реликвии на светский раут, стоило проверить подлинность центрального камня. В моем колье центральный сапфир закреплен четырьмя платиновыми лапками. На вашем — шесть, и застежка другая. А заказ синтетической копии из Гуанчжоу, трехмесячной давности, сохранился в моем рабочем архиве. Он всегда экономил на содержанках.

Она прикрыла колье ладонью. Коллекционер возле колонны рассмеялся, и Влада резко повернулась к нему, готовая ответить, но промолчала. Стас уже шел к подиуму. Она с облегчением посмотрела на мужа — моего мужа, пока еще моего по документам.

И поддержка пришла.

— Господа! Минуту внимания, пожалуйста.

Стас поднялся на подиум с микрофоном. Даже седину на

висках уложил как надо, ни одного волоса не торчало. Я знала его смокинг Brioni и знала выражение, которое он сейчас показывал гостям. Так сообщал инвесторам о срыве сроков: лицо печальное, виноватых ищите в зале.

— Сегодня должен был состояться триумф нашей команды, — заговорил он бархатным, глубоким баритоном, от которого у инвесторов всегда слабели колени. — Но жизнь вносит коррективы. Как совладелец группы «Гром», я вынужден сделать тяжелое личное заявление. Мы прекращаем использование авторской концепции второй очереди «Олимпа», представленной Инной Громовой.

По залу прокатился глухой ропот.

— К огромному нашему общему горю, — продолжал муж, глядя поверх голов с печатью благородного страдания, — последние двенадцать месяцев Инна Сергеевна находилась в тяжелом ментальном кризисе. Вот официальная выписка из центра неврологии: пролонгированный курс сильнодействующих транквилизаторов и антипсихотиков тяжелой группы. Все ключевые чертежи создавались в состоянии измененного сознания и глубокой интоксикации. Мы не можем рисковать безопасностью сотен тысяч будущих жильцов. Авторство переходит главному проектному бюро, а Инне мы обеспечим лучший медицинский уход… если она найдет в себе силы принять помощь.

Он поднял вверх лист с гербовой печатью и серией медицинских протоколов.

В этот момент земля ушла у меня из-под ног.

Он повернул лист к камерам; на большом экране за его спиной я разобрала даты. Октябрь. Декабрь. Февраль. Апрель.

Даты, когда он каждое утро лично готовил мне витаминные зеленые смузи. «Пей, родная, ты совсем сгорела над этими эскизами, тебе нужны антиоксиданты». Горьковатый привкус, который он списывал на спирулину и сельдерей. Утренняя вязкая тупость в голове, тяжелые веки, провалы в памяти, когда я часами сидела над ватманом и не могла вспомнить, какой вариант чертежа уже утвердила…

Бумаги охватывали целый год. Я помнила вечера над чертежами, горечь в смузи, головную тяжесть. Теперь хотелось срочно проверить кровь — пока он не назвал эту тяжесть еще одним доказательством моего безумия. На его справке стояли чужие подписи. Пусть появится независимое заключение.

Я не могла дослушать его. Прижала папку к груди и вышла.

Коридор прошла быстро, почти бегом, стуча каблуками по паркету. За спиной обрывались разговоры, но окликнуть меня не решился никто.

Глава 6

Я влетела в дамскую комнату, с грохотом захлопнув тяжелую дубовую дверь.

Наклонилась над раковиной, ожидая, что вырвет. Только сухо закашлялась. Потянулась к крану, но пальцы соскользнули: аплодисменты за дверью все еще были слышны.

Уперлась ладонями в мрамор. В зеркале было видно, насколько я бледная; под глазами темные провалы, губы почти без цвета. Прямо сейчас выгляжу как человек с его справки. И это пугало больше, чем слова со сцены.

«А вдруг это правда? — шепнул ледяной голос внутри. — Вдруг ты действительно сходишь с ума? Вдруг чертежи — бред, память врет, а Стас просто спасает остатки компании?»

Пол словно уходил из-под ног. Я перестала различать разговоры за дверью и слышала только звон в ушах. Надо оставаться стоя. Если найдут меня здесь на полу, Стас первым объяснит, почему. Прижала локти к краю столешницы, но дышать по-прежнему не получалось.

— Нет… нет, сука, не дождешься!

Рука метнулась в сумку. Пальцы нащупали тяжелый стеклянный флакон духов. Попыталась снять крышку, но пальцы не слушались. Флакон выскользнул и ударился о край раковины.

Хруст!

Густой аромат пачули и горького апельсина заполнил комнату. Я потянулась убрать осколки с края раковины. Зазубренное стекло полоснуло подушечку указательного пальца.

Острая, чистая, обжигающая боль прошила руку до самого плеча.

Кровь закапала в белую раковину. Я отбросила стекло, схватила салфетку. Теперь приходилось следить за пальцем, прижимать порез, дышать медленнее. Стены больше не качались, но тошнота осталась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.